

Мистические анархисты

Сообщества бывают разные. Бывают сообщества со строгой организацией, где дисциплина рождает контроль, а бывают сообщества без строгой организации, где господствует сама жизнь. К последним мы часто относим философские кружки. Кружки, в свою очередь, тоже бывают разные. Бывают кружки, где наблюдается некоторое общее видение тех или иных проблем, а часто — ещё и их возможных решений. Бывают кружки, объединенные определенным набором художественных образов и мыслей. Никаких строгих концепций и никаких разработанных методологий. К таким ускользающим от формализма кружкам можно отнести мистический анархизм.

В начале XX столетия бурно развивающийся российский культурный эклектизм породил необъятное количество идей и образов. Казалось, что границы между искусством, философией, наукой, политикой и религией исчезают. Казалось, что мир ницшеанских героев — это вторая родина русской культуры. Казалось, что вот-вот, и настанет царство свободы, что вот-вот, и можно будет делать многое, что нельзя было делать раньше. Впрочем, кое-что можно было уже тогда.

В 1905 году в Санкт-Петербурге декадент Георгий Чулков, человек наблюдательный и талантливый, оставивший нам множество литературных портретов российской богемы того времени, нашел в философских текстах Вячеслава Иванова мысль, которую обдумывал ещё задолго до первой русской революции — за социальностью стоит

то, что нельзя осмыслить в устоявшихся культурных и научных терминах. В «Башне», в доме на углу Тверской и Таврической, по средам проходили литературно-философские собрания под руководством Вячеслава Иванова. На одно из таких собраний пришёл вдохновлённый Георгий Чулков. Идея «мистического энергетизма» Иванова была принята Чулковым как откровение. В ней он увидел потенциал для новой концепции. Вскоре в журнале «Вопросы жизни», где тогда публиковался Чулков, можно было увидеть словосочетание «мистический анархизм». Литераторы, особенно символисты, не смогли пройти мимо — споры о том, что же это за анархизм такой, приобрели постоянный характер.

Посетители «Башни» стали свидетелями того, как рождался мистический анархизм. Вячеслав Иванов и Георгий Чулков говорили о соборности, о безвластном единении людей, о торжестве нового мира. Присутствовавшие на тех вечерах Константин Бальмонт и Николай Бердяев в душливых и концептуально непрозрачных выступлениях своих коллег усматривали лишь провокативный эстетический жест — декадентское развлечение. К декабрю 1905 года на собрания с регулярностью стали приходиться более сорока человек. «Ивановские среды» потеряли статус мероприятия, где собирались коллеги, прекрасно знавшие друг друга лично. Каждую неделю приходили всё новые и новые люди. Формулировки тезисов мистического анархизма рождались в выступлениях Иванова и Чулкова.

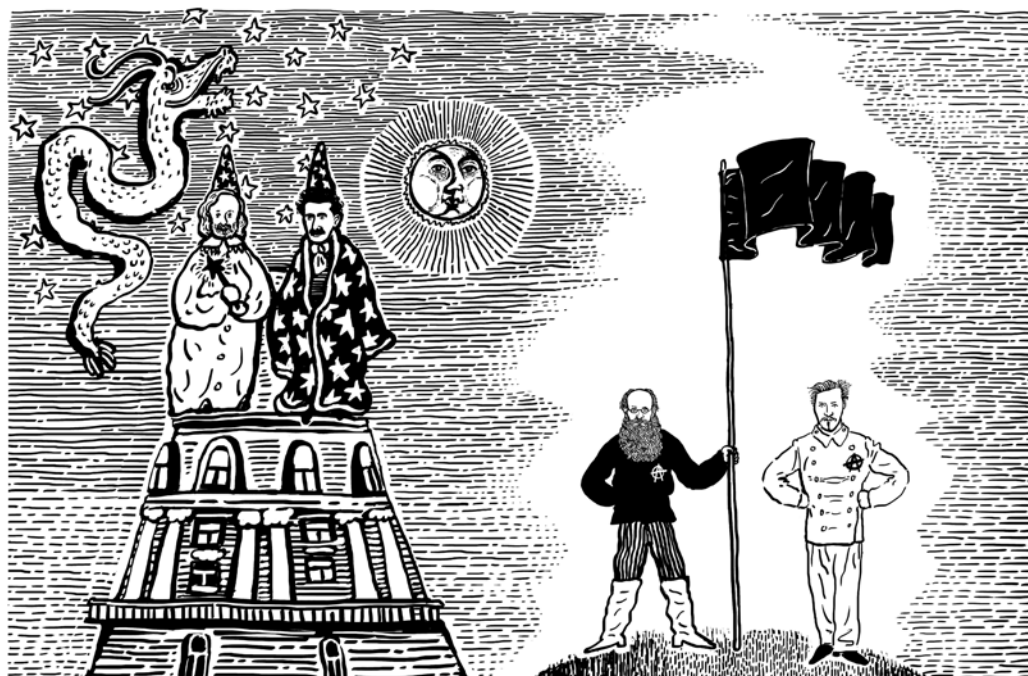
В 1906 году после закрытия «Вопросов жизни» Георгий

Чулков начинает издавать альманах «Факелы», в один из выпусков которого он помещает своё большое эссе «О мистическом анархизме» с комментариями Вячеслава Иванова. В этом сочинении обобщено — со ссылками на Владимира Соловьёва и Михаила Бакунина — всё, что было рождено в спорах по вечерам в «Башне». Мистические анархисты — радикальные декаденты. В основе мистического анархизма лежит идея непринятия мира, понимание окружающей действительности как чего-то ложного и уродливого. Спротивление культуре, которая требует от личности объективации, заключается в развитии человеческой индивидуальности. Однако мистический анархизм нельзя назвать разновидностью индивидуализма, от чего предостерегают и Чулков, и Иванов. Общество противно личности, но именно через общество и возможно преобразование мира. С точки зрения мистического анархизма, социально-экономические, политические, правовые и культурные отношения не составляют достаточного основания бытия общества, следовательно, существует то, что выразить сложившимся понятийным аппаратом нельзя, то, что ускользает от нашего взора. Эта ускользающая от нашего понимания область жизни человека есть область мистического. Современный мир, требующий от личности быть объективированной, может быть пре-

долён, но только если развитая индивидуальность сможет в общем с другими личностями коллективном усилии духа разработать новую чувственность. Такая чувственность и могла бы стать началом нового преображённого мира, мира свободы.

Последовавшую после выхода в свет тезисов мистического анархизма реакцию публики сложно интерпретировать однозначно. Александр Блок с огромным интересом отнёсся к появившейся на литературно-философской арене концепции. В первых публикациях он отзывался о ней отрицательно, но позже признавал, что особый интерес к ней, безусловно, был, что через мистический анархизм он пытался понять первую русскую революцию [Блок 1963, 146, 204]. Зинаида Гиппиус выступала с критикой, Лев Шестов — с одобрением. Дмитрий Мережковский не причислял себя к мистическим анархистам, но с тезисами был согласен. Часть поэтов-символистов приняла радикализм Иванова и Чулкова, часть — нет. Так продолжалось до 1907 года, когда вместе с революцией закончилась и бурная дискуссия между противниками и сторонниками мистического анархизма.

Исследователи расходятся во мнениях относительно того, кого можно причислять к мистическим анархистам 1905-1907 гг. Например, по одним данным Андрей Белый

был сторонником идей Иванова и Чулкова [Кошарский 2008, 55], по другим — нет [Шурба 2004, 122]. Одно можно сказать точно: мистический анархизм тех лет был идеей, вокруг которой шло множество литературно-философских дискуссий. Эти дискуссии задают контур некоторого сообщества, в котором были те, кто принимал концепцию Иванова-Чулкова, и те, кто её отрицал.

На этом можно было бы и закончить историю, но в феврале 1917 года в Россию после долгих лет эмиграции вернулся Аполлон Карелин, человек небезызвестный и одновременно загадочный. Дворянин Карелин экстерном получил юридическое образование в Казанском университете, так как постоянные аресты за участие в народо-вольческих инициативах препятствовали обыкновенной студенческой жизни. Закончив обучение, он стал активным участником анархического движения, за что получил тюремный срок в Петропавловской крепости. Эмигрировав в Европу, он руководил кружком анархо-коммунистов и принимал участие в создании Чёрного Креста, международной организации помощи анархистам, столкнувшимся с полицейским произволом и пенитенциарной системой. Эта организация существует и по сей день. Будучи во Франции, Аполлон Карелин прошёл несколько ступеней посвящения в масонском Ордене Тамплиеров. Интересовал его не столько сам Орден, сколько практика приобщения личности к философскому знанию посредством совместной духовной работы. Орден сочетал в себе как элементы Просвещения, так и мистико-эзотерические компоненты. Наряду с Алексеем Боровым и Яковом Новомирским, Аполлон Карелин принадлежал к тому поколению российских анархистов, чьи духовные потребности не удовлетворялись ни бакунинским младогегельянством, ни кропоткинским позитивизмом.

Декадентское сообщество к тому времени уже впитало в себя идеи софиологов и гностиков. Мистические анархисты всё ещё существовали, но не находились в центре общественного внимания. Тем не менее, творческий энтузиазм Карелина быстро воскресил в памяти русской интеллигенции дискуссии 1905-1907 гг. Вместе с выпускником физико-математического факультета МГУ Алексеем Солоновичем он сплотил вокруг себя не только поэтов-символистов, но и преподавателей университетов.

Карелин старался избегать слова «анархия», так как оно ассоциировалось с социальным анархизмом. В своих текстах он предлагал использовать термин «синархия» (от *synarchie* — «совместное управление»). Развивая идеи Иванова и Чулкова, Карелин считал, что сострадание и ненасилие являются основой подлинного человеческого

общения. Карелинское понимание ненасилия предполагало, что власть — это слабость, в то время как отказ от власти — это сила. Только сильный человек может быть мистическим анархистом. Развитие той чувственности, о которой говорилось ещё в 1905-1907 гг., было понято Карелиным и Солоновичем практически. С помощью разных перформансов, постановок античных пьес и публичного чтения гностических текстов они пытались воспитать сильных личностей, способных чувствовать по-новому. Многие тексты, написанные мистическими анархистами, были стилизованы под мифопоэтическую мысль Древнего мира. В «Скитаниях духа» Солонович пишет: «И появилась первоначальная материя, и хаос творческих предначертаний окутал все. И первый вздох рождающейся Тиамат. И сверканье огненного меча Мардука. Едва родившись, — они вступали в борьбу».

После смерти Аполлона Карелина от инсульта в 1926 году Солонович продолжил начатое ими дело — в Кропоткинском музее он организовывал лекции и постановки спектаклей с участием мистических анархистов, работал над составлением библиографии Петра Кропоткина. Тем не менее, всё рушится. В 1929 году прямо в музее арестовывают единомышленников Солоновича, а в ночь с 11 на 12 сентября 1930 года арестовывают и его самого. На этом и стоит закончить историю, потому что дальше были лишь лагерь, пытки и смерть. Хотя нет, лучше закончить словами Чулкова о мистических анархистах: «Это была правда, а не выдумка. Тогда дьяволы сеяли семена бури».

Литература:

- Блок 1963 — Блок А. Собрание сочинений: В 8-и т. М. Л. 1963. — Т. 8.
 Кошарский 2008 — Кошарский В.П. «Мистический анархизм» в России начала XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. №2, 2008.
 Шурба 2004 — Шурба М. Мистически анархисты // Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение. 2004.

Николай Герасимов

Художник:
 Валентина Карнавалова